

Общество

Летучих

МЫШЬ

Анна Гунькова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Гунькова

Общество летучих мышей

«Автор»

2026

Гунькова А. Р.

Общество летучих мышей / А. Р. Гунькова — «Автор», 2026

Когда боль от жизни становится сильнее страха смерти, грань между жертвой и палачом стирается. Что делать убийце, если его цель не бежит, а терпеливо ждет конца? История мальчика, который семь лет назад не смог спасти друга и с тех пор несет груз вины, ставший тяжелее самой жизни. Мрачный психологический хоррор о том, как прошлое превращает существование в ад, а смерть кажется единственным способом искупления. 18+. Предупреждение о триггерах внутри.

© Гунькова А. Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Пролог	7
Последний день	9
Сделка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Гунькова

Общество летучих мышей

Дисклеймер

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ: ГРАНИЦЫ РЕАЛЬНОСТИ И ТЬМЫ

Вы держите в руках произведение, которое сложно отнести к разряду обычного чтения для расслабления. Эта книга — эксперимент над человеческой психикой, погружение в самые темные, заброшенные уголки сознания, где свет надежды гаснет, уступая место холодному, липкому ужасу повседневности. Прежде чем перевернуть страницу и шагнуть в данный мир, автор считает своим долгом предостеречь вас от того, с чем вам предстоит столкнуться. Это не попытка испугать ради эффекта; это акт уважения к вашей ментальной безопасности и честности перед материалом.

Данное произведение классифицируется как психологический хоррор. В отличие от традиционных ужасов, где монстры скрываются под кроватью или в темных переулках, главный страх этой истории рождается внутри. Здесь нет спасительного финала, нет внезапного чуда, которое всё исправит в последнюю секунду. Атмосфера книги характеризуется нарастающим чувством изоляции, экзистенциальной безысходности и неизбежности. Реальность в повествовании часто преломляется через призму травмированного восприятия главного героя, стирая грань между тем, что происходит на самом деле, и тем, что является плодом его распадающегося разума. Если вы ищете историю со «светом в конце туннеля», эта книга не для вас. Здесь туннель длинный, темный, и выход из него может оказаться иллюзией.

Содержание книги включает в себя детальные и откровенные описания следующих тем, которые могут выступать мощными триггерами:

Систематический буллинг и психологическое насилие. Сцены травли показаны не поверхностно, а с физиологической и эмоциональной достоверностью. Вы станете свидетелем методичного уничтожения личности подростка, унижения достоинства, физической агрессии и социальной изоляции. Описания могут вызывать чувство острой эмпатической боли, гнева и беспомощности.

Суицидальные мысли, депрессия и желание смерти. Главный герой находится в состоянии глубокого клинического расстройства. Его внутренний монолог пронизан мыслями о самоубийстве, которые подаются не как романтический бунт, а как логичный, холодный расчет уставшего человека. Книга исследует механику суицидального поведения, планирование конца и полное отсутствие инстинкта самосохранения. Этот контент может быть крайне опасен для людей, находящихся в кризисном состоянии или страдающих депрессивными расстройствами.

Сексуальное насилие над несовершеннолетними и его последствия. Хотя сцены самого акта насилия могут не быть показаны в деталях в настоящем времени, тема детской педофилии и изнасилования является центральным элементом травмы главного героя. Книга подробно исследует долгосрочные последствия этой травмы: посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), флешбэки, диссоциацию, чувство вины выжившего и разрушение личности. Упоминания носят тяжелый, давящий характер.

Домашнее насилие и токсичные семейные отношения. Изображены сцены физического и вербального абьюза со стороны родителя, алкоголизм, эмоциональное отвержение и манипуляции. Отношения между матерью и сыном показаны как деструктивная связь, где любовь смешана с ненавистью и желанием уничтожить друг друга.

Хладнокровное восприятие убийства и смерти. Один из главных персонажей является профессиональным киллером. Его философия, методы работы и диалоги о смерти лишены моральной оценки в традиционном понимании. Смерть здесь подается как работа, как товар, как единственное возможное избавление от боли. Нормализация насилия в диалогах может вызвать когнитивный диссонанс и дискомфорт.

Ментальные расстройства и искажение реальности. Повествование ведет герой с нестабильной психикой. Читатель может столкнуться с ненадежным рассказчиком, галлюцинациями, дереализацией и другими симптомами тяжелых психических нарушений.

Кому категорически не рекомендуется чтение этой книги:

Лицам младше 18 лет. Произведение содержит материал, неподходящий для детской и подростковой психики в силу своей жестокости и сложности поднимаемых вопросов.

Людям с диагностированными тревожными расстройствами, клинической депрессией, ПТСР, склонностью к суицидальному поведению или находящимся в стадии острого эмоционального кризиса.

Пережившим опыт сексуального насилия, особенно в детском возрасте. Описания последствий травмы могут спровоцировать ретравматизацию и острые приступы паники.

Всем, кто обладает высокой эмпатией и чувствительностью к сценам страдания детей и подростков.

Автор понимает, что художественная литература обладает силой воздействовать на наше подсознание. Цель этой книги — не пропагандировать насилие или суицид, а исследовать природу человеческой боли, вины и той тонкой грани, где жертва и палач меняются местами. Это история-предупреждение, история-крик, который требует мужества, чтобы быть услышанным. Однако цена этого погружения может быть слишком высока для неподготовленного читателя.

Если в процессе чтения вы почувствуете нарастающую тревогу, головокружение, приступы паники или навязчивые мрачные мысли — немедленно прекратите чтение. Закройте книгу, отложите устройство, выйдите на свежий воздух, переключите внимание на что-то светлое и безопасное. Ваше психическое здоровье важнее любой истории. Помните: то, что происходит на страницах — это вымысел, сконструированный автором, но ваши чувства реальны и заслуживают заботы.

ВАЖНОЕ НАПОМИНАНИЕ О ПОМОЩИ: никто не должен оставаться один на один со своей болью. Если темы, поднятые в этой книге, отозвались в вас личной трагедией, или если вы чувствуете, что жизнь потеряла смысл, пожалуйста, обратитесь за профессиональной помощью. Существуют люди, готовые выслушать и поддержать вас бесплатно и анонимно.

В России работает Единый общероссийский телефон доверия для детей, подростков и их родителей: 8-800-2000-122.

Телефон неотложной психологической помощи в Москве (МСХ): 051 (с городского) или +7 (495) 051.

Если вы находитесь в другой стране, пожалуйста, найдите локальную службу поддержки в вашем регионе.

Вы не одни. Ваша жизнь имеет ценность, даже если сейчас кажется иначе. Эта книга — лишь отражение чьей-то выдуманной тьмы, но ваш реальный мир полон возможностей для света, который еще не погас.

Принимая решение продолжить чтение, вы подтверждаете, что ознакомлены с содержанием данного предупреждения, осознаете потенциальные риски для своего психического состояния и добровольно берете на себя ответственность за свое эмоциональное самочувствие в процессе знакомства с этой историей.

Добро пожаловать во тьму. Берегите себя.

Пролог

В кафе «У Молли» время, казалось, застыло в сладком, тягучем янтаре. Я помню, как воздух там никогда не был просто воздухом — он всегда представлял собой густой, обволакивающий коктейль из ароматов, от которых у меня тогда кружилась голова и таяло сердце. Постоянным фоном служил запах свежесваренного чая с тонкой, едва уловимой ноткой дикой земляники и жирных сливок, смешанный с духом горячей корицы, ванильного сахара и только что вынутых из печи круассанов. Их золотистая корочка звонко хрустела при малейшем прикосновении. Этот аромат действовал как теплое одеяло, стоило лишь переступить порог и стряхнуть с плеч уличную пыль.

Молли Фрау, хозяйка заведения, частенько задирала свой носик-картошку, и в этом жесте читалась её безмерная гордость за собственное «детище». Для неё кафе было не просто бизнесом, а живым организмом, которому она посвятила более тридцати лет жизни. Она любила повторять, что её стены впитали больше историй, чем любые книги в городской библиотеке. И я знал, что это правда: каждое новое поколение горожан проходило через эти двери. Каждое поколение оставляло здесь частичку своей души, впитанную полированными деревянными столами и мягкими креслами цвета топленого молока.

Я тоже был частью этой тихой летописи. Я помню свой первый визит сюда с пугающей ясностью, будто это случилось вчера, хотя с тех пор прошло двенадцать лет. Мне было тогда пять, и за руку меня вел отец — высокий, надежный мужчина, от которого пахло зимним морозом, дорогим табаком и абсолютной безопасностью. Отец, чей образ сейчас кажется мне лишь размытым пятном в памяти, стертым годами боли и невыносимой вины. Мы сидели у того самого окна, за которым сейчас монотонно барабанит дождь. Но тогда за стеклом сияло ослепительное солнце, заливая стол лучами, в которых танцевали пылинки. На столе передо мной возвышался огромный бокал с шоколадным коктейлем, увенчанный шапкой взбитых сливок и яркой вишенкой, а рядом дымилась тарелка с идеальными вафлями. Они были золотистыми, хрустящими снаружи и мягкими, почти воздушными внутри, и плавали в луже густого, янтарного кленового сиропа. Сироп медленно стекал по краям вафель, собираясь в тяжелые, сладкие капли на белой керамике. Я макал кусочек в эту липкую сладость, отправлял в рот и чувствовал, как вкус растекается по языку, прогревая грудь изнутри. Это был вкус абсолютного счастья. Вкус безопасности. Вкус момента, когда большая, шершавая ладонь отца бережно вытирала мне испачканный нос, а в его глазах плясали веселые искорки радости за своего сына. Тот день казался бесконечным, наполненным смехом и ощущением, что так будет всегда.

Но иллюзия вечности разбилась так же легко, как тонкое стекло витрины. Я моргнул, и солнечный свет за окном сменился серой пеленой дождя. Запах кленового сиропа испарился, уступив место затхлому воздуху дешевого кафе и металлическому привкусу крови во рту. Тепло отцовской ладони исчезло. Вместо неё передо мной на столе лежали мои собственные руки. Или то, что от них осталось. Это было не просто больно. Это было отвратительно.

Мои кисти превратились в бесформенное, пульсирующее месиво из синей кожи, багровых кровоподтеков и неестественно вывернутых суставов. Левая рука была сломана в трех местах: мизинец, безымянный и средний пальцы торчали под невозможными углами, напоминающая сломанные ветки после урагана. Кожа на них натянулась до блеска, местами содрана до мяса, откуда медленно сочилась сукровица, смешиваясь с грязью. Правая рука выглядела чуть «лучше», если так можно сказать о переломе большого пальца, который был развернут тыльной стороной к запястью, образуя жуткую выпуклость под опухшей тканью.

Я даже не мог сжать кулак. Любая попытка пошевелить пальцами посылала по нервным окончаниям такие разряды тока, что перед глазами вспыхивали белые искры. Руки бес-

помощно лежали на клеенке стола, похожие на чужие, изуродованные конечности манекена, которого кто-то яростно бил молотком, пока тот не хрустнул и не обмяк.

Макс сидел напротив. Он спокойно дожевывал свой леденец, перекатывая разноцветный шарик за щекой. Его взгляд скользнул по моим рукам — по этому кровавому месиву, по дрожащим, искалеченным пальцам, которые я не мог даже убрать со стола, чтобы не задеть край тарелки. В его глазах не было ни шока, ни жалости, ни даже профессионального интереса к степени повреждений. Только скука. Легкая, вежливая скука человека, который спрашивает о погоде, просто чтобы заполнить неловкую паузу.

— Твои пальцы, — произнес он, и уголки его губ дрогнули в подобии мягкой, ничего не значащей улыбки. Он сделал паузу, словно подбирая максимально нейтральные слова. — Кажется, это будет долго болеть?

Вопрос повис в воздухе, абсурдный и циничный. Он спросил об этом так, будто интересовался, не простужусь ли я под дождем. Для него мои сломанные кости были просто фактом биографии, строчкой в отчете, не более того.

— Пройдет, — хмыкнул я, облизав сухие губы, и от этого движения грудной клеткой в ребрах тоже прострелило болью. Голос звучал хрипло, чужим. — Пара сломанных фаланг не испортит моего настроения.

Конечно, головой я прекрасно осознавал весь абсурд ситуации. Я должен был вскочить, опрокинув стул. Я должен был бежать отсюда сломя голову, игнорируя агонию в руках, мчаться в больницу, чтобы мне наложили гипс, сделали рентген, вкололи обезболивающее. Потом — в полицейский участок. Писать заявление. Описывать Брэда и его свору. Требовать справедливости. Делать хоть что-то, чтобы обезопасить свою жизнь, чтобы остановить этот конвейер боли. Любой нормальный человек на моем месте уже звонил бы в скорую, трясясь от страха и адреналина. Но я просто сидел. Смотрел на свои изуродованные руки, которые больше не могли держать ни ручку, ни ложку, ни защитить меня от удара. И внутри была только ледяная, звенящая пустота.

А надо ли мне это?

Зачем лечить руки, которые завтра могут понадобиться, чтобы снова защищаться? Зачем чинить инструмент, если мастер решил отказаться от ремесла жизни? Боль была реальной, острой, невыносимой, но она казалась... заслуженной. Как очередная плата за то, что я все еще дышу, когда Ким — нет.

Макс наконец проглотил леденец. Звук был громким в тишине нашего столика.

— Ну, как знаешь, — равнодушно пожал он плечами и отпил черного кофе. — Мне лишь нужно было знать, сможешь ли ты подписать бумагу, если потребуется. Хотя, судя по виду твоих рук, отпечаток пальца тоже не получится снять.

Он усмехнулся. Сухо, без радости.

— Ладно. Неважно. У нас есть время подождать, пока отеки спадут.

Я посмотрел на него, потом снова на свое месиво вместо кистей.

— Подпишу чем угодно, Макс, — тихо сказал я. — Хоть зубами. Хоть лбом. Лишь бы быстрее закончить.

Макс кивнул, словно я подтвердил время встречи, а не собственную казнь.

— Тогда доедай свой сэндвич.

И я послушно протянул свои сломанные, бесполезные руки к холодной еде, чувствуя, как каждый сустав ныл в унисон с дождем за окном.

Последний день

Обжигающая искра пепла коснулась кожи, заставив меня инстинктивно дернуться. Локоть с глухим, костяным стуком ударился о холодный фаянс ванны. Резкая боль прострелила руку, отдавшись тупым эхом в затекшем нерве. Я лишь фыркнул, стряхивая пепел на мокрый кафель, и вновь поднес сигарету к губам.

Глубокий вдох — едкий, горячий дым обжег горло, заполняя легкие тяжелым никотиновым туманом. Медленный выдох. Белесая струя растворилась в воздухе, пахнущем сыростью, старой плесенью и дешевым табаком. Мои пальцы, привычно нащупавшие шершавую обложку, продолжили листать черный, потрепанный альбом при свете единственной тусклой лампочки. Шуршание бумаги в этой тишине казалось оглушительным.

Мать сошла с ума. Очевидно, её пропитый мозг окончательно спекся, раз она полгода назад перенесла выключатель внутрь. До этого момента я годами сидел здесь в крошечной тьме, запертый снаружи, как крыса в банке. Но самое гадкое чувство, которое сейчас сосало меня изнутри, было направлено не на неё, а на самого себя.

Я был в ярости от собственной тупости. Ведь я знал! Я прекрасно знал с самых малых лет, что эта ванная — моя потенциальная тюрьма. Я знал, что меня могут запереть здесь в любой момент, на всю ночь, на сутки. Я знал каждый сантиметр этой комнатухи метр на метр. И всё равно, все эти годы я так и не додумался провести сюда свет самостоятельно. У меня были руки, был разум, была возможность найти решение еще до того, как мать вообще вспомнила о выключателе. Я мог бы вкрутить лампочку, протянуть провод, смастерить фонарь — что угодно! Но нет. Я просто терпел темноту. Год за годом я сидел во мраке, словно покорное животное, даже не пытаюсь изменить условия своей клетки, хотя шанс был у меня всегда.

Теперь, листая альбом при этом жалком свете, который дали мне только полгода назад, я чувствовал лишь горечь упущенного времени. Минимум два, а то и три раза в неделю мое ночное рандеву проходило именно так: наедине с мыслями, спрятанной за трубой бутылкой водки и пачкой сигарет. Но раньше это происходило в полной, абсолютной темноте, потому что я оказался слишком слаб и безынициативен, чтобы зажечь свет самому. Я знал это пространство лучше, чем свое лицо, мог с закрытыми глазами назвать любой предмет, но так и не нашел в себе сил сделать простейшее действие — провести свет.

Сделав ещё один глубокий, обжигающий вдох, я перевернул страницу. Причина, по которой я снова оказался заперт в этой сырой клетке, была проста: моё собственное существование. Мелисса Блэквуд — женщина, чей разум давно растворился в вине и паранойе, родила меня от наркомана. Имени отца она так и не назвала, стерев его из памяти вместе с совестью, но я помню. Помню смутное, теплое ощущение его доброты, которое теперь кажется единственной реальной вещью в этом безумном мире.

Тишина стала такой густой, что в ушах начал нарастать высокочастотный звон. Нужно было заполнить эту вакуумную пустоту любым звуком. Даже своим собственным, хриплым голосом. Я бездумно перебирал страницы, пока альбом не кончился, обнажив пустую заднюю обложку. Сигарета догорела, обжигая пальцы последним жаром. В этой запертой коробке время теряло всякий смысл, растворяясь в запахе плесени. Иногда Мелисса спала до полудня, морив меня голодом сутками, забывая про ужин и завтрак. Иногда дверь отпиралась под самое утро, когда мне уже нужно было брести в школу. Всё зависело от того, какой демон шептал ей сегодня на ухо: жалкое подобие трезвости или всепоглощающий бред. Угадать ход её мыслей было невозможно; это был хаос, в котором не существовало логики, а значит и безопасности.

— Ну что, Итан, — прошептал я в затхлый воздух, обращаясь к невидимому собеседнику в углу. — Опять тупик? Альбом кончился. Сигарета догорела. А ты всё ещё здесь.

Я усмехнулся своему отражению в тусклом хrome смесителя. Лицо было бледным, глаза запавшими, но взгляд... взгляд все еще пытался фокусироваться.

— Помнишь правила? — спросил я сам себя, и мой голос эхом отразился от кафельных стен. — Правило номер два: «Страх — это просто сигнал». А правило номер четыре? Мы его сами придумали той ночью, когда Ким предложил добавить ещё одно.

Я закрыл глаза, и губы сами зашептали старую считалочку, которую мы любили повторять перед сложными решениями. Но слова вышли перекошенными, тяжелыми, словно пропитанными свинцом.

— Эни-бени-мини-мо, — начал я тихо, касаясь большим пальцем левой руки каждого пальца по очереди. — Схватил тигра за ребро.

Я почувствовал, как внутри что-то болезненно сжалось. Тигр уже внутри. Он сидит в груди и рвет легкие когтями каждый раз, когда я делаю вдох.

— Если заорёт — уйдёт, — голос дрогнул. Я перевел палец на указательный, затем на средний, безымянный и мизинец, перечисляя тех, кого больше нет. — Эни-бени-мини...

Я ткнул себя большим пальцем в грудь на последнем слоге, завершая круг.

— ...Меня ждёт.

Голос сорвался на шепот.

— Поймать тигра за ребро? Глупые дети. Тигр уже внутри. Он не отпустит. Мать не отпустит. Школа не отпустит. Брэд не отпустит.

Я наклонился ближе к зеркалу, пока мое дыхание не запотело холодную поверхность.

— Знаешь, в чем наша ошибка? Мы всё ещё думаем, что игра продолжается. Что есть победитель и проигравший. Но игра закончилась семь лет назад, когда один маленький мальчик спрятался за мусорным баком. С тех пор мы просто отбываем наказание.

Я выпрямился и провел рукой по волосам, чувствуя жирную пыль.

— Может, стоит постучать? — предложил я своему отражению. — Вдруг она сегодня добрая? Вспомнит про завтрак?

— Не будь идиотом, — ответило отражение в зеркале. — Доброй Мелиссы не существует. Есть только трезвая Мелисса, которая ненавидит тебя чуть меньше, и пьяная Мелисса, которая хочет твоей смерти. Лотерея, в которой нет выигрышных билетов.

Я вздохнул и снова начал считать, уже шепотом, перебирая пальцы на здоровой руке, словно гадал на картах Таро.

— Ушёл он, — прошептал я, загибая мизинец. — Самый тихий. Тот, кто боялся темноты больше всех, но всё равно пошел туда первым.

— Ушёл он, — безымянный палец. — Тот, кто обещал стоять до конца. Но когда подул ветер, его парус оказался пустым.

— Ушёл он, — средний палец. — Та, что видела всё насквозь. Но однажды просто закрыла глаза и растворилась в толпе.

— Ушёл он, — указательный палец. — Тот, чье имя стерли. Остался только призрак в старой фотографии и запах табака, который мне иногда мерещится.

Я посмотрел на большой палец. Единственный, который остался.

— А это я, — бормочу. — Последний из списка. Последний дурак, который всё ещё стоит в этой ванной и ждет, пока дверь откроется.

Я ударил ладонью по холодной плитке рядом с раковиной. Глухой звук резанул слух.

— Хватит, — приказал я себе. — Хватит разговаривать с теньями. Скоро она проснется. Нужно быть готовым. Лицо — нейтральное. Плечи — опущены. Взгляд — в пол. Не провоцируй зверя.

Я сделал глубокий вдох, набирая в легкие остатки спертго воздуха, и попытался натянуть на лицо маску покорности. Маску, которую носил уже столько лет, что она начала вращаться в кожу.

Я посмотрел в запотевшее зеркало, пытаясь разглядеть за слоем конденсата того, кем я должен был быть. Из темноты на меня глядел семнадцатилетний призрак. Мои когда-то рыжие кудри, которые мать раньше называла «огненными», теперь были сплошь покрыты пепельной сединой. Она пробивалась сквозь темные локоны неравномерными прядями, делая меня старше на добрых двадцать лет. Будто жизнь высосала весь цвет из моих волос, оставив только этот грязно-серый иней. Зеленые глаза, окруженные сеткой мелких морщин от постоянного прищура, казались слишком большими для этого бледного лица. Веснушки — те самые золотистые точки, что должны были рассыпаться по носу летом, — сейчас выглядели как ржавчина на фарфоре. Они густо усеивали лицо, шею, ключицы и руки, создавая контраст с фиолетовыми и желтыми пятнами свежих синяков.

Синяки были везде. На предплечьях — от хватки Брэда. На ребрах — от пинков в раздевалке. На спине — от ремня или случайного удара об угол стола дома. Мое тело стало картой боли, где каждая новая гематома обозначала очередной прожитый день. Под тонкой футболкой угадывались бугры старых шрамов и свежие кровоподтеки, которые я тщетно пытался скрыть длинными рукавами даже летом. Я выглядел приятно, если не всматриваться слишком глубоко. Правильные черты лица, мягкие кудри, необычный цвет глаз — обычно это нравилось учителям и родителям одноклассников. «Какой милый мальчик», — говорили они, не замечая, что под этой оболочкой нет ничего, кроме пустоты и ожидания нового удара. Моя внешность была идеальной ловушкой: ты смотришь на седого подростка с веснушками и думаешь, что видишь ребенка, а внутри там старик, который устал дышать.

За тяжелой дверью не было слышно ни шагов, ни храпа, ни сонного бормотания. Тишина давила на уши сильнее, чем любой крик. Вдруг она умерла? Вдруг сердце не выдержало очередной дозы алкоголя, и я останусь здесь запертым навсегда? Один, в этой сырой коробке, пока мое тело не превратится в такой же труп, как и её? Эта мысль должна была принести облегчение, но вместо неё внутри взметнулся липкий, животный ужас. Остаться одному — значит исчезнуть бесследно. Значит, никто никогда не узнает, что я здесь был.

Однако, вопреки нарастающей панике, замок снаружи громко щелкнул. Ручка медленно повернулась, и дверь со скрипом отворилась, впуская в ванную полоску тусклого света из коридора.

В проеме стояла женщина, которая когда-то, говорят, была ослепительно красивой. Мелисса Блэквуд. Теперь же от той красоты остались лишь жалкие осколки. Её кожа, прежде фарфорово-бледная, теперь обвисла серыми мешками под глазами, испещренными сеткой лопнувших капилляров. Волосы, когда-то густые и блестящие, висели жирными, спутанными прядями, местами покрытыми перхотью, словно мертвый мох. Она пахла перегаром, кислым потом и чем-то сладковато-гнилостным — запахом распадающейся жизни. Её фигура, некогда стройная, расплылась и одрябла, теряясь в растянутом халате, который когда-то мог быть белым, а теперь приобрел грязно-желтый оттенок. Только глаза оставались прежними — безумные, лихорадочно блестящие, в которых плескалась ненависть, смешанная с полным отсутствием узнавания.

Она была ниже меня ростом, эта маленькая, сломленная женщина, но в этот момент она казалась выше любой горы. Она заполнила собой весь дверной проем, заслоняя свет.

— Жив, значит, — проскрипела она голосом, похожим на трение наждачной бумаги о камень. В её глазах не было ни капли материнского тепла, только холодное, липкое разочарование от того, что я всё ещё дышу. — А я уж думала, ты там сдох в тишине. По крайней мере, было бы меньше шума.

Её слова ударили меня под дых, точнее, чем любой кулак. Они просочились сквозь мою броню равнодушия и обожгли изнутри. «Почему это всё ещё больно?» — мелькнула предательская мысль. Разве я не должен был оглохнуть к этим словам за семнадцать лет? Но нет. Каждое такое «сдох» оставляло свежий шрам на душе, который ныл сильнее новых синяков.

Я стиснул зубы, подавляя желание закричать или заплакать, и вместо этого выплюнул ответ, словно отраву:

— И тебе доброго времени суток, гнилая женщина.

Я сплюнул ей под ноги, на грязный линолеум, и, низко опустив голову, чтобы не видеть её лица, шагнул вперед, намеренно задев её плечом.

— Который час?

— Время купить матери выпивки, — резко бросила она. Её рука метнулась вперед, и пальцы, пахнувшие табаком и дешевым вином, мертвой хваткой вцепились в рукав моей футболки. Ткань натянулась. Это прикосновение вызвало у меня физиологический спазм отворачивания, будто меня коснулась дохлая крыса.

Я рывком выдернул руку, едва не порвав ткань. Мои мышцы напряглись, готовые к удару, но она лишь покачнулась, потеряв равновесие.

Не оборачиваясь, я прошел дальше по темному коридору, стараясь дышать реже, чтобы не вдыхать исходящий от неё запах распада. Мне нужно было увидеть часы. Мне нужно было знать, сколько часов моей жизни украдено этой ночью. Сколько времени я провел в холодной ванной, пока она спала или пьянствовала. Цифры на часах в конце коридора наконец-то проплыли перед глазами. 06:42. Я выдохнул, чувствуя, как каменная глыба в груди слегка сдвигается. Я успеваю. Я успеваю уйти до того, как начнется новый день ада.

— Ты что, головой стукнулся, или окончательно сошёл с ума?

Голос прозвучал прямо у моего затылка. Я вздрогнул, хотя не слышал ни шагов, ни шороха одежды. Мелисса материализовалась за моей спиной словно призрак, возникший из стен. Я почувствовал её дыхание — кислое, тяжелое — на своей шее.

— Меня устроит любой вариант, — прошептала она, и в её тоне сквозила не забота, а холодный расчет. — Главное, чтобы руки работали.

— Заткнись, — процедил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Я резко развернулся, чтобы скрыть реакцию, и сделал шаг назад, в сторону ванной. Мне нужно было забрать блокнот и недокуренную пачку. Это были мои якоря.

— Твое счастье, что я не обратился в службу защиты детей, — бросил я через плечо, пытаясь ударить Мелиссу её же оружием — страхом перед системой. — Один звонок, и тебя увезут в клинику, а меня...

Я не договорил. Мелисса оказалась рядом быстрее, чем я ожидал от женщины с такой шаткой походкой. Её рука, сухая и жилистая, метнулась вперед с точностью змеиного удара. Пальцы ловко выхватили пачку сигарет из моей ладони.

— Даже если бы ты хотел это сделать, — она усмехнулась, и в углах её рта собрались глубокие, жесткие морщины, — то не смог бы.

Щелчок зажигалки прозвучал как выстрел в тишине коридора. Огонь осветил её лицо на мгновение: желтые белки глаз, удовлетворение хищника, который загнал добычу в угол. Она глубоко затянулась, выпуская дым мне в лицо.

— Слишком большой груз вины, сынок, — сказала она, и её голос стал мягким, почти ласковым, отчего стало еще страшнее. — Ты не сможешь говорить. Языком можно двигать, а вот совесть... она привязывает крепче любых цепей.

Мать рассмеялась — тихо, грудно, без радости.

— В этом мы с тобой одинаковы. Яблочко от яблоньки.

Она развернулась и пошла на кухню, оставляя меня стоять в коридоре с пустой рукой. Я смотрел ей вслед, сжимая и разжимая пальцы. Она была права. И это знание охладило меня сильнее, чем сквозняк из открытой ванной.

Школа для меня никогда не была местом знаний. Она была вторым домом. А если мой первый дом — ад, то школа стала его идеальным продолжением, филиалом с теми же прави-

лами выживания, только под ярким светом люминесцентных ламп и под присмотром учителей, которые предпочитают не замечать происходящего.

Не могу с уверенностью сказать, досталась ли мне хоть черта лица от матери, кроме, пожалуй, этой седой пряди в рыжих кудрях. Но её острый, ядовитый ум я унаследовал целиком. А иногда, в моменты холодной ясности, мне кажется, что я даже превосхожу её. Разница лишь в том, что она использует свой разум, чтобы разрушать жизни вокруг, а я — чтобы находить уязвимые места тех, кто хочет разрушить мою.

Годы одиночества и постоянной осады научили меня не прятаться, а выжидать. Я изучаю своих врагов так, как хирург изучает анатомию перед операцией. Я знаю, у кого из этой стаи дрогнет рука при первом же сопротивлении. Знаю, какое слово, сказанное шепотом в нужный момент, заставит лидера шайки покраснеть от унижения перед своими же приспешниками. Я просчитываю их траектории не для того, чтобы увернуться, а чтобы подставить подножку в самый неожиданный момент. Я запоминаю каждый удар, каждое оскорбление, каждую пощечину, складывая их в аккуратный список долгов. Моя память — это реестр будущей мести. Я не играю в шахматы на победу. Я играю на истощение. Моя цель — не выжить любой ценой, а сделать так, чтобы цена моей крови стала для них слишком высокой. Чтобы следующий удар причинил им больше боли, чем мне.

Я сидел на задней парте, склонив голову над телефоном, спрятанным под углом стола, вне зоны видимости мистера Хендерсона. Экран светился тускло, буквы расплывались. Пальцы нервно забарабанили по стеклу, сжимаясь в кулак.

— Неужели сегодня без происшествий? — пробормотал я себе под нос, механически листая ленту новостей

Тишина в классе была обманчивой; я чувствовал взгляды, скользящие по моей спине, как лезвия бритвы. Они просто ждали звонка. Ждали момента, когда учитель отвернется, а двери откроются, выпуская хищников на охоту.

Глаза лихорадочно бегали по экрану в поисках «той самой» новости. Заголовки мелькали перед глазами: «ДТП на трассе 95», «Пропавший без вести ребенок», «Несчастный случай в порту».

Неужели я ошибся? Неужели неправильно сопоставил координаты и время? Сердце предательски ёкнуло, пропуская удар. А вдруг это уже случилось? Вдруг я упустил момент? Я стиснул зубы, заставляя дыхание выровняться. Ещё только начало одиннадцатого. Мой невыспавшийся мозг просто дает слабину, рисуя худшие сценарии. Но мне нельзя ошибаться. Мне нужно найти подтверждение ещё до финального звонка. Мне бы хотелось в последний раз выжать свой разум на самый максимум.

— Мистер Блэквуд? Голос прозвучал сухо, разрезая тишину класса. Я медленно поднял голову. Мистер Хендерсон стоял у доски, его рука с куском мела зависла в воздухе, так и не коснувшись поверхности. Весь класс повернулся ко мне. Тридцать пар глаз — кто с злорадством, кто со скукой.

— Вам кажется, — начал учитель, нависая над кафедрой и пытаясь изобразить строгость, — что ваша переписка в телефоне несколько важнее квадратных уравнений, которые, между прочим, определяют ваше будущее?

В классе послышался смешок. Брэд, развалившись на стуле, громко хмыкнул, перекрикивая шепот соседей:

— Да забей, мистер Х. Он там явно не теоремы смотрит. Спорю на сотню, у него порно или ставки на бойцовский клуб. Эй, Итан, поделишься ссылкой, когда освободишься?

Класс взорвался коротким, злым смехом. Кто-то свистнул.

Я спокойно заблокировал телефон и положил его экраном вниз на парту. Движение было плавным, почти ритуальным.

— Вы путаете понятия, мистер Хендерсон, — мой голос прозвучал ровно, с легкой, почти вежливой насмешкой. — Будущее — категория временная. Оно предполагает продолжение. А то, чем я занят сейчас, касается исключительно... завершения текущих процессов. Так что, простите, но ваши уравнения для меня сегодня нерелевантны.

Хендерсон моргнул. Я видел, как его брови поползли вверх, а пальцы крепче сжали мел, словно он искал опору.

— Нерелевантны? — переспросил он, и в его голосе впервые проскользнула неуверенность. — Мистер Блэквуд, вы пытаетесь меня запутать своими умными словами? Это не спасет вас от провала семестра. И что же может быть настолько срочным, чтобы игнорировать урок? Надеюсь, это не планирование вечеринки?

Я слегка улыбнулся. Уголок губ дрогнул, но глаза остались ледяными.

— О нет, сэр. Вечеринки требуют гостей. А мое мероприятие сегодня вечером будет строго приватным. Один на один. Просто... чистое решение задачи, которую я решаю уже семь лет.

Тишина в классе стала вязкой. Хендерсон нахмурился, внимательно всматриваясь в мое лицо, пытаясь найти там признак шутки или блефа. Но он увидел лишь спокойствие человека, который уже мысленно собрал вещи.

— Решение задачи? — повторил он медленнее. — Мистер Блэквуд, о какой задаче вы говорите? Если это какая-то игра...

— Игра закончилась, когда я понял правила, — перебил я его, чуть подавшись вперед. Мой взгляд скользнул по окну, туда, где серое небо обещало дождь. Идеальная погода для финала. — Сейчас идет этап сдачи работы. Проверка на прочность. И я хочу убедиться, что всё пройдет точно по плану. Вы же знаете, сэр, как важно соблюдать дедлайны. Особенно если следующий дедлайн может просто не наступить.

Брэд фыркнул, но звук вышел уже менее уверенным.

— Ты чего несешь, фрик? Какой план? Решил сбежать с уроков?

Я повернул голову к нему и посмотрел так, словно видел его сквозь стекло, за которым горит огонь.

— Тот, кто помогает закрыть гештальты, Брэд. Тот, кто ставит точку там, где предложение стало слишком длинным и бессмысленным.

Лицо Хендерсона побледнело. Он выпрямился, и я заметил, как его рука слегка дрогнула, оставив на доске некрасивую белую черту вместо формулы. Он наконец-то услышал то, что скрыто между строк. Не угрозу другим. Что-то другое. Что-то окончательное.

— Мистер Блэквуд, — его голос стал тише, но жестче. — Немедленно уберите телефон. И если вы планируете что-то... глупое... после уроков, то знайте: школа готова помочь.

— Помочь? — я тихо рассмеялся. Звук был сухим, как ломкая ветка. — Помочь мне в чем? Спасибо за заботу, сэр. Но боюсь, моя заявка на продление участия в этом проекте уже рассмотрена отрицательно. Сегодня я завершаю работу. И уверяю вас, процедура будет необратимой.

Учитель открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но слова, казалось, застряли у него в горле. Он смотрел на меня с выражением человека, который внезапно осознал: перед ним кто-то, кто уже сделал выбор, который невозможно отменить.

— Э-э... продолжаем, — пробормотал он, резко отвернувшись к доске. Его плечи были напряжены, когда он выводил следующую формулу. — Только... будьте осторожны, Итан. Жизнь... она ценна.

— Ценность определяется спросом, мистер Хендерсон, — пробормотал я себе под нос, открывая учебник на странице, которую, возможно, стоит дочитать. — А мой график сегодня расписан поминутно. До самого вечера.

Я вернулся к поиску подходящих новостей сразу после звонка, пытаюсь игнорировать липкий холодок, оставшийся от разговора с Хендерсоном, но до курилки на третьем этаже так и не добрался. Лестничный пролет между вторым и третьим этажом давно превратился в мертвую зону: камеры здесь не работали уже полгода, а учителя обходили этот темный угол стороной, где воздух был густым от запаха застарелой мочи, дешевого дезодоранта и затхлой штукатурки. Именно там меня перехватил Брэд Морган. Он стоял у стены, лениво подбрасывая теннисный мяч, который глухо ударялся о бетонные ступени. Обычный парень: спортивный, в дорогом сером худи, сын старосты прихода и регулярный посетитель воскресной школы. В его позе не было ни капли агрессии или напряжения, только глаза оставались пустыми и спокойными, словно окна заброшенного дома, за которыми давно погас свет. За его спиной маячили Кайл и Джастин — тени в таких же худи, молча перекрывшие выход и создавшие живой коридор без выхода.

Я не успел даже моргнуть, как реакция, притупленная хроническим недосыпом, предала меня в самую решающую секунду. Морган сделал всего один шаг, и Кайл мгновенно оказался у меня за спиной, заломив руки так сильно, что лопатки хрустнули, отдаваясь острой болью во всем теле, пока Джастин вцепился мне в волосы и резко запрокинул голову назад, открывая горло для удара.

— Эй, Блэквуд, — произнес Морган тихо. — Что ты там смотрел? — Морган улыбнулся. — Давай посмотрим вместе. Может, там порно с твоим папашей-наркоманом?

Кайл и Джастин захихикали, и один из них тут же достал телефон, направляя камеру прямо на мое лицо, чтобы запечатлеть каждый момент унижения.

Мальчишка двигался быстро и без лишней суеты: его кулак коротко и хлестко въехал мне прямо в солнечное сплетение, выбивая весь воздух из легких со свистом, похожим на звук прокалываемой шины. Колени мгновенно подогнулись, но крепкая хватка Кайла не дала мне упасть, оставляя висеть в неудобной, вывернутой позе, пока мир не сузился до одной точки невыносимой боли в животе и противного вкуса меди, заполнившего рот.

— Слабый, — констатировал Морган тем же ровным, бесцветным тоном, даже не повышая голоса, а лишь брезгливо цокнув языком, словно оценивая бракованный товар на рынке.

Следующий удар ногой пришелся точно в бок, туда, где еще не зажили старые синяки, и ребра затрещали с таким звуком, будто кто-то наступил на сухие ветки. Телефон выскользнул из ослабевших пальцев и с громким звоном разбился о бетонный пол, его экран мгновенно покрылся паутиной трещин. Брэд медленно наклонился, поднял устройство, и капля крови, сорвавшаяся с моей рассеченной губы, упала ему на рукав дорогого худи. Он брезгливо поморщился, тут же вытер пятно о мои волосы, грубо размазывая кровь по лицу и заляпывая ею глаз, отчего мир вокруг окрасился в багровые тона.

— Показывай, сучёнок, — сказал он мягко, почти ласково. — Или мне придется выбить тебе зубы? Ты же не хочешь остаться без улыбки к концу дня?

— Гребаная Мелисса... — прохрипел я, чувствуя, как сознание начинает плыть в красном тумане.

Он ударил снова, на этот раз кулаком в лицо. Голова мотнулась назад, и затылок с влажным, тошнотворным стуком ударился о шершавую бетонную стену лестницы. Перед глазами заплясали разноцветные искры, а кровь хлынула из носа мощным потоком, заливая рот, смешиваясь со слюной и стекая по подбородку густой теплой струей. Морган схватил меня за подбородок, сжимая челюсть до скрипа зубов, и приблизил свое лицо вплотную. Оно было спокойным и холодным, лишенным каких-либо эмоций, кроме скучного любопытства.

— Струсил? — прошептал он, его дыхание пахло мятой и жвачкой, что создавало чудовищный диссонанс с запахом крови вокруг.

Я собрал последние крохи сил, понимая, что физически победить невозможно, поэтому нужно перегрызть глотку словами. Набрал полный рот крови и слизи, я плюнул ему в лицо густым кровавым сгустком.

— Ты жалок, Морган, — прошипел я, чувствуя, как по щекам течет горячая жидкость. — Ты ходишь в церковь, поешь «Аллилуйя», а сам дронишь на свое отражение в церковном зале у зеркала. Твой пастор знает, что его любимчик — пустая оболочка? Ты зависишь от моей боли, потому что без неё ты — никто, просто грешник без веры, играющий в святость.

Лицо Моргана дрогнуло лишь на мгновение: маска абсолютного спокойствия треснула, обнажив холодную, расчетливую ярость. Он не закричал и не стал бить в ответ сразу, а лишь медленно, методично вытер плевков со щеки тыльной стороной ладони, глядя на свою кровь на пальцах с каким-то странным интересом.

— Интересно, — произнес он тихо, почти задумчиво. — Очень интересно.

Он кивнул Кайлу, тот отпустил мои руки, и я тяжелым мешком рухнул на грязный бетонный пол лестницы. Морган тут же начал пинать меня, делая это методично и безэмоционально: носок его кроссовка впивался в ребра, в спину, в голову, звучали глухие удары плоти о кость, и я чувствовал, как внутри что-то рвется, а кровь заполняет рот настолько, что становится трудно дышать. Я кашлял, выплевывая темно-красные сгустки ему на белые кроссовки, окрашивая их в отвратительный бурый цвет.

— Достаточно? — просипел я, выплевывая вместе со слюной обломок зуба.

Морган остановился, тяжело дыша, но его лицо оставалось бесстрастным, словно он только что закончил обычную тренировку. Он присел на корточки, схватил меня за волосы и рывком поднял мое окровавленное лицо, заставляя смотреть на себя.

— Мы еще не закончили, — прошептал он мягко, почти ласково, и в его голосе прозвучала угроза, от которой по спине побежали мурашки. — Сегодня вечером. Я хочу видеть, как ты будешь умолять. Я сломаю тебе всё, что можно сломать, один за другим, и ты будешь слушать хруст своих костей. Это будет твоя последняя исповедь.

Он с силой оттолкнул мою голову, и она глухо стукнулась о бетонную ступень, рассыпая перед глазами новые искры боли.

— Жди. Если не придешь — я найду тебя дома, и тогда шоу понравится твоей мамашке еще больше.

Брэд выпрямился, небрежно отряхнул худи и бросил своим приспешникам, даже не взглянув на них:— Пошли. От него воняет.

Они развернулись, чтобы уйти, оставляя меня лежать в луже собственной крови на холодных ступенях. И в этот момент я сделал то, чего они совершенно не ожидали. Превозмогая адскую боль, разлившуюся по каждому суставу, я оперся на дрожащие колени и медленно, рывками поднялся. Меня шатало, кровь текла по подбородку непрерывным потоком, капая на одежду и образуя багровые пятна на полу, но я стоял, держась за холодные металлические перила, чтобы не упасть снова.

— Эй, Морган! — мой голос прозвучал хрипло, но четко, эхом отразившись от стен лестничной клетки.

Брэд остановился и обернулся, на его лице играла легкая усмешка ожидания мольбы:

— Что, передумал?

Я медленно поднял обе руки, которые дрожали от боли и были покрыты грязью, кровью и пылью. Посмотрев прямо в холодные глаза Брэда, а затем на камеру телефона в руке Джастина, я с нарочитой, демонстративной тщательностью поднес средние пальцы ко рту и облизал их, размазывая свою собственную кровь по коже, делая их скользкими и ярко-красными, словно только что окунул в свежую рану. После этого на моем изуродованном лице расцвела безумная улыбка, и два окровавленных фака были направлены прямо в лицо Брэду, поднятые высоко над головой как знамя тотального безумия и вызова.

— Встретимся в аду, ублюдок, — прохрипел я, и моя улыбка, полная крови и безумия, растянулась от уха до уха, обнажая выбитые зубы. — Только не опаздывай. Ад сегодня переполнен такими, как ты, а я буду тем, кто откроет тебе ворота.

Брэд замер на месте. Его уверенная улыбка исчезла бесследно, и в его холодных глазах впервые мелькнуло нечто иное — не злость и не презрение, а настоящий, глубокий, первобытный страх перед тем, кто лежит в грязи, истекает кровью, но смеется смерти прямо в лицо. Джастин медленно опустил телефон, перестав снимать, а Кайл инстинктивно сделал шаг назад, словно боясь, что мое безумие заразительно.

— Ты псих, — тихо пробормотал Морган, и в его голосе впервые прозвучала неуверенность.

— Возможно, — ответил я, медленно опуская руки, но продолжая улыбаться этой страшной, окровавленной улыбкой. — Но сегодня вечером я буду психом, который заберет тебя с собой.

Сделка

Бо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.